

84(Б4)
Н67

НАМЖИЛ НИМБУЕВ

Я ПЕСЧИНКА
ОГРОМНОЙ
ОРАНЖЕВОЙ
АЗИИ...

крас-1

к-1

8454
H67

НАМЖИЛ НИМБУЕВ

Я ПЕСЧИНКА
ОГРОМНОЙ
ОРАНЖЕВОЙ
АЗИИ...

Улан-Удэ • НоваПринт
2018

УДК 89
ББК 84 (2 Рос=Бу)

Н67

Н67 Нимбуев Намжил

Я песчинка огромной оранжевой Азии : стихи
/ Н. Нимбуев. – Улан-Удэ : НоваПринт, 2018. –
224 с.

ISBN 978-5-91121-221-6

Поэт Намжил Нимбуев ушел из жизни в 23 года. Первый сборник стихов «Стреноженные молнии» вышел в свет уже после смерти автора, в 1974 году, и пережил несколько изданий. Он писал стихи верлибром, привнес в этот сложный жанр национальное своеобразие и философскую глубину. Его пронзительные стихи-размышления о любви, о родине, об одиночестве затронули сердце и молодого, и умудренного опытом читателя.

ISBN 978-5-91121-221-6

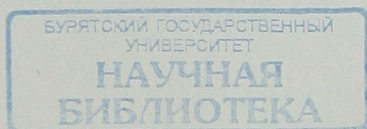
Край

6 2 8 7 4 9

© Базарова (Нимбуева) Л.Ш., 2018 г.

© Дугарова А.С., обложка, 2018 г.

© НоваПринт, 2018 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Середина 70-х. Впервые держим в руках сборник стихов Намжила Нимбуева «Стреноженные молнии». Стихи потрясли, хотелось подходить к незнакомым прохожим и читать его верлибры. Удивительно, остается загадкой, как мог написать двадцатилетний поэт «Звезды со страхом думают, что погаснут через миллион лет. А каково людям с их краткой, как выстрел, жизнью?». Только теперь, когда «дым от выстрела» убелил наши головы, начинаешь понимать глубину и мудрость чудесно одаренного юноши. Чем дальше я ухожу в жизнь, тем сильнее ощущаю присутствие Намжила. Многолетнее общение становится более откровенным и близким, с годами стихи наполняются новым смыслом.

Письма поэта дают ответ, в каких переживаниях росли эти светлые стихи. О своей жизни и любви Намжил писал: «...Когда подумаю, что моя жизнь будет состоять из одних сезонов любви и пародий на настоящую любовь, мне невольно хочется, чтобы моя жизнь прошла скорее. Что я значу для вечности? Искра, выбитая огнивом». Почему я вижу Намжила бредущим по ночному городу, слышу стук его шагов? Пройдет совсем немного времени, и стук этого одиночества услышат многие неравнодушные сердца... Как заметил Паруйр Севак, поэтами зовутся те, «кто

в своем одиночестве вступают в беседу со всем человечеством».

Чтобы понять значение Намжила Нимбуева для нас, нужно на минуту представить, что его вообще не было... Какая пустота возникла бы в наших сердцах, в бурятской и русской поэзии... Исчез бы Намжил с картины Михаила Ромадина*, где собраны лучшие поэты XX века, и тогда рядом со Шпаликовым, Лермонтовым, Цветаевой образовалась бы пустота. С обратной стороны картины, где каждый поэт обозначен стихами, у Намжила написано:

Однажды, еще карапузом,
В колодец, смеясь, заглянул я:
И стало так жутко и странно,
Как будто я в гулкой прохладе
Бессмертья увидел лицо.

Каждую минуту в разных концах нашей планеты кто-то читает, кто-то вспоминает твои строки. Кто-то делает это впервые, и тому открывается мир красоты и мудрости, кто-то повторяет строки, которые сопровождают его всю жизнь, это и есть жизнь Поэта.

Виктор Костригин.

* Михаил Ромадин – художник, в 1975 году оформил сборник «Стреноженные молнии», в 2000 создает диптих «Поэты».

Ты слышишь, дед,
немой Нимбу,
бурят по происхождению,
нищий чабан по месту
в жизни?..

Тебе посвящает эту книгу
родившийся после Твоей
смерти молодой внук,
осмелившийся говорить
твоими безмолвными устами
на языке русских братьев.

Под деревом моей родины

*Ах, здесь зарыта
моя пуповина...*

О родина,
лишь гляну на тебя –
моя песня умолкает смущенно

БУДЬ У МЕНЯ ГОЛОС

Будь у меня голос,
атласный, гортанный,
словно гарцующая
на цыпочках сабля,

пел бы о бурятках,
коричневых, как земля,

об алых саранках,
сорванных на скаку,

о пылающем солнце,
запутавшемся в ковылях...

Эх,
будь у меня голос!

Крохотным алым знаменем
над планетою бьется
отчизна моя –
Бурятия.

Ручьи моей родины,
горло промойте мое,
стрижи моей родины,
с клюва меня покормите,
леса моей родины,
в тайну меня посвятите.
Для вас в моем сердце
песня любви.

Этой ночью по тихим долинам
кочевали куда-то на север
тени предков моих.
Гроза их внезапно настигла,
они
укрылись под вышкой
высоковольтной электролинии.
К металлической раме
тени коней привязали,
раскурили короткие трубки
и запели протяжные песни.

...Вдруг до слуха донесся
запоздалого трактора шум –
заметались испуганно тени
и пропали во мгле.

А наутро у вышки
жаворонок степной,
горло водицей промыв
из следов лошадиных копыт,
полетел к облакам,
чтобы спеть
песню нового дня.

г. Москва

«Умереть бы в седле
со стрелю под сердцем,
как истый бурят!»
...Ах, опять размечтался,
немощный интеллигент.

В РОДНОМ УЛУСЕ

Здесь женщины смуглы –
они в долинах целовались с солнцем.
В них молоко томится,
мечтая жизнь вскормить.
А брови гнутые над изумленьем глаз –
как ласточек стремительные крылья.
В свои комбайны парни влюблены,
так старики коней боготворили...
А старики сидят на солнцепеке,
прошедшие перебирают дни,
считают весны, осени свои.
Их речь скупая –
аромат сандала,
цветущего раз в десять лет.
Они живут,
как птицы иль деревья,
и умирают, мудро улыбаясь:
в песке у ног играют дети,
которые достроят дом.

Вдали, на чужбине,
о родине мысли
светлы и прекрасны.
Острее ощущаю:
она у меня одна.

В РОДНОМ УЛУСЕ

Здесь женщины смелы,
они в добрых помыслах и в добром,
в них услада рожается,
вечная жизнь заключена.
А брови гнутые над изумрудным оком
и в нем отражены горы и долины.

Мой старый дед всегда возил с собой
морщинистое рваное седло.
Чудак он был,
свихнувшийся рассудком.
И все же седло я выбросить не смею.

На реке струится
золотистый ручей,
восточного речья дельта, где
Океан впадает,
как впаде в море,
и упирается к морю упирается,
в песке у ног играют дети,
которые достают дрова.

Я не узнал
свое отраженье в воде.

Где невзрачный застенчивый юноша
со слезящимися вечно глазами?
Глядит на меня
тонкомордый стройный олень,
и рога его запрокинуты в небо.

Где невзрачный застенчивый юноша
со слезящимися вечно глазами?

Я сижу у таежной криницы
с живою водой.

Я по родине вдруг загрустил.

Я приехал из города
на запыленном автобусе.

6 2 8 7 4 9

ОСЕНЬ В ЕРАВНИНСКИХ ЛЕСАХ

Плач тайги обнаженной
по утерянным листьям
ежегоден и прост.

Это осень.

На ладони гранитной гряды,
ветру синей Еравны открытой,
бьется мой незаметный костер,
не желая так скоро угаснуть.

Как сильна материнская кровь!
Словно зверя в родную берлогу,
гонит в край,
где моя колыбель не качалась.

О Еравна!

Размах твоих крыльев широк.
Мускулистые ноги изменят
диковой и резвой косуле,
пожелавшей тебя обежать.

Тайны дебрей твоих неприступны,
в гордой шири степей и лесов
каждый камень и лист
вольным духом отчизны настоян.
Воздух чист и прозрачен.
Полифония гулкого неба
стоголосым органом звучит.
Аромат ковыля,
как печаль прошлогоднего снега,
летуч.

А природа вершит
сердцу милый осенний обряд:
ассонансы таежных долин,
пантомима влюбленного лося,
крики чаек
над Гундой печальной,
бег непуганых пестрых косуль,
источающих мускус неслышно...

И в прозрачной тиши
над лощинами стойбищ былых
слышу я голоса
неувиденных предков своих.
Оживают они, словно я
вызвать смог преставление света,
словно говор людской,
век назад отзвучавший,

возвращают распадки хребтов:
смех гарцующих в седлах парней,
гул овечьих отар,
звон чугунных стремян,
крик детей у задымленных юрт,
звук матерчатых легких гутулов.

Все является мне
в приглушенной годами беседе
мудрых предков,
ушедших из этих степей,
не дождавшись меня,
не дождавшись меня.

Плач тайги обнаженной
по утерянным листьям
ежегоден и прост.

Это осень.

Мне сегодня светло и печально.
Я пришел попрощаться
на год иль совсем.
Никогда я не пел,
но сейчас
в сердце парня
рождается песня,
словно ласточка

крылья свои расправляет.
Это будет осенняя песня,
и грусть
прозвенит в каждой ноте.

Так поют длинногорлые гуси,
над родными лугами кружась.
Буду петь я,
мне струны нужны,
чтоб подыгрывать песне своей,
словно пряди возлюбленной глядя.

Где мой хур,
тонкошей тоскующий хур,
что закопан в степи моим предком?

Где мой хур,
тонкошей тоскующий хур?
Песня сердца
быть спетой желает
и щекочет уста.

Сегодняшней ночью
приснился мне смуглый предок.
Он пел в изголовье гортанные песни
и с жалостью щупал мои
прямые, оглоблями, ноги.

МЕТИСКА

*О, Запад есть Запад,
Восток есть Восток...*

Р. Киплинг

Ты соткана вся из света,
дитя любви невесомой.
Одна нога на Европе,
другая – на Азии сонной.

Две разного цвета крови
по синеватым венам.
Но красная бьется в сердце,
обеим отчизнам верна.

Одно лишь красное солнце
над левым плечом восходит.
Одно лишь красное солнце
за правым плечом заходит.

В глазах чуть раскосых, но синих
вместились отчизны обе:
в них нежность зеленых Татр
и грусть лимонного Гоби...

Ты соткана вся из света,
дитя любви невесомой.
Одна нога на Европе,
другая – на Азии сонной.

14.04.1971
г. Улан-Удэ